

Сквозь годы меж словом и небом
бредешь, не сыскавши угла.

Александр Месропян

И будто бы все же была.
Рвала удила, ревновала,
не веря влюбленным глазам,
к бесстрашию перед провалом,
к магнитным твоим словесам,
таким непохожим на правду
и все же далеким от лжи.

Как будто готова оправа.

Осталось лишь камень в

и камень отравой напо

и перстень Изоре от

Проститься. И больше

Заказа на Реквием ж

И друга найти в по

чтоб старый сюжет

который в таком отда

от жизни, что мог и н

а мог...

Но родная словесность,
как ни был бы счастлив улов
такая нелепая местность,
где сроду не сыщешь углов.

А жизнь между небом и словом
тем, может быть, и хороша,

что **без матерьяльной основы**

здесь произрастает душа -
никчемное, в общем, растение,
сорняк на случайной меже
меж словом и небом, меж тенью
и светом,
ненужным уже.

Александр
Месропян

**Без
матерьяльной
основы**

Издательство «Личный интерес»
Издательский центр «Булат»
Ростов-на-Дону
2002 г.

ББК 84.Р7
М53

Месропян А. Г.

М53 **Без матерьяльной основы:** Книга стихотворений. — Ростов-на-Дону: Издательский центр «Булат», 2002. — 32 с.: ил.

ISBN 5-86340-107-9

ББК 84.Р7

ISBN 5-86340-107-9

© А. Месропян, 2002

Нил
Хороша
Не по-
лучает-

Если
достать
из-под
крюветки
мышу-
щую
даши-

Ни хрена не получается.

Если достать из-под кровати пишущую машинку «Башкирия», получается плакать и писать о чем-нибудь навзрыд. И больше ни хрена не получается. Потому что «Башкирия» — тяжеленный такой гроб казенного цвета, кривой, но кривой не эргономичной кривизной натурального киборда, а что ли руки не оттуда росли.

Просыпаюсь, потому что просыпаешься ты, потому что трамвай в четыре утра не виден (невидим?) — только звенит посуда и хочется курить. Пока не открыл глаза мерещится запах тумана и этой фигни, которой шпалы пропитывают: утром все поезда подолгу стоят на невнятной станции с навсегда выкрашенным охрой кирпичным забором и бесполезным — все равно не вспомнить — именем.

Я не помню, как тебя зовут. Этот мудака в спортивных штанах когда-нибудь спит? Сейчас опять попросит закурить и заведет свое «жиды, блядь, Россию продали», а я не помню как тебя зовут.

Открыть наконец глаза: в лабиринте трещин на потолке живут чудища — *твои* чудища. Зря ты сердисься: «Ну вот же, вот клыки, а там лапа, когтистая, видишь, как буква шин, а когда сквозняк и паутина там, ее не видно, а тень шевелится,» — ну не вижу я. Но верю — не злись — помню: в лабиринте трещин на потолке всегда живут чудища. Просто они потом уходят. Я своего встречал: рисует головоломки для Мурзилки «Кто спрятался в лесу», пиво пьет, знаешь, на Вятской на углу пивнушка — три столика всего, а их там прилично собирается и каждый — один. Совсем как люди, только тень от паутины. Особенно, осенью. Иногда наши взгляды встречаются — и он, чуть помедлив, кивает мне, неуверенно, похоже, на всякий случай. Кажется, он не помнит, как меня зовут.

I

В окно,
где утро цвета цинка,
ты отвернешься, не спеша, -
вдоль позвоночника ложбинка.
Словно вдоль финского ножа.

II

Цепную жизнь пройдя наполовину,
пёс перегрыз, как пуповину, цепь.

Он понял цель.

И окунулся в степь,

влача себя по сумраку равнины...

С тех пор ты спишь тревожнее и реже.

С тех пор тоска под ложечкой сосёт:

всё слышишь в темноте железный скрежет -
твой пёс,

как пуповину,

цепь грызёт.

III

Здесь хаты выбелены в известь.

И посещает нас в ночи
разъединяющая близость.

И птица поздняя кричит
о том, что с высоты не счесть
таких же горестных историй.

И птица ранняя ей вторит:
«За что нам голос дан?!
Бог весть...»

IV

Заблудишься в ясном небесном лесу.
И пристальной женщины имя забудешь.
Но будешь для неба
соринкой в глазу.
И больше никем ты для неба не будешь.

Набрякнешь грозой на краю тишины...

Помянут, как звали...
И счастливы будут
под пристальным небом просторной страны,
где кроме тебя
никого не забудут.

V

Пробираясь окольной речью,
где слова до озноба близки,
постигаю тоску человечью
с точки зрения волчьей тоски.

Постигаю осознанность боли...
В этом доме не жгут огня...

А дремучая память о воле
волей к песне
настигла
меня.

VI

Не пишу тебе уже год почти,
потому что тошнит от словесной мути,
потому что с утра здесь идут дожди,
а вечером — дразнит «gloria mundi»,
и спокойно,
как стиранное белье,
выжимает душу общественный транспорт,
и каждое утро — дождь льет,
по крышам выстукивая:
«Sic
tran
sit...»

VII

У этого лета какой-то в мозгу перекосяк -
как бритвы отточены крылья июльских
стрекоз.

Запомнил твое, обращенное к небу, лицо -
стрекозы мелькнули у горла -
и дело с концом.

Разумнее в книги уткнуться, полоть огород
и, под ноги глядя, в эпохе нащупывать брод.

Но линии левой ладони замкнулись в кольцо.
Запомни меня -
я к тебе запрокинул лицо.

VIII

Как лица в профиль, как липы вровень
с последней птицей скупых окраин,
стеклом трельяжа твой бред утроен -
и крайний справа смертельно ранен.
А крайний слева любим,
но — слепо.
А тот, что — между, бывает разным.

Трех яблок тайну хранил ты с лета.
А завтра праздник.
А завтра — праздник.

IX

Твой дом обернут сентябрем,
как будто астра — целлофаном.
И желтый дождь,
как желтый бром,
грохочет жестью водостока -

наощупь найденный мотив,
как родинка под сарафаном,
неизлечим.

И так жестоко
поля острижены под тиф.

Х

Когда разветвленностью стальных небес
твой лес обозначил начало зимы,
я понял ясно,
что этот лес
устроен так же, как мы,

что в переплетении черных ветвей
запуталась вдрызг
сновиденная синь,
что мы
не слияние темных кровей,
а — небо
в силках облетевших осин.

Х I

И снова подступали берега -
пологий левый
и высокий правый.
То в город билась темная строка,
то в горькие некошенные травы...

И снова
кропотливый снегопад,
работой черной не пренебрегая,
настойчиво,
который год подряд,
стирал различья между берегами.

Сквозь годы
меж словом и небом
бредешь,
не сыскавши угла.
А жизни
как будто и не было.
И будто бы
все же
была.
Рвала удила,
ревновала,
не веря влюбленным глазам,
к бесстрашию перед провалом,
к магнитным твоим словесам,
таким непохожим на правду
и все же
далеким от лжи.
Как будто готова оправа -
осталось лишь камень вложить
и камень отравой наполнить,
и перстень Изоре отдать...
Проститься.
И больше не вспомнить.
Заказа на Реквием ждать.
И друга найти в поколении,
чтоб старый сюжет повторить,
который в таком отдалении
от жизни,
что мог и не быть,
а мог...

Но родная словесность,
как ни был бы счастлив улов -
такая нелепая местность,
где сроду не сыщешь углов.

А жизнь между небом и словом
тем, может быть, и хороша,
что без матерьяльной основы
здесь произрастает душа -
никчемное, в общем, растенье,
сорняк на случайной меже
меж словом и небом,
меж тенью
и светом,
ненужным уже.

XIII

За что нам
наш пожизненный пейзаж,
где птицы поднимаются над садом?
Пустого неба просит карандаш -
но птицы поднимаются над садом.

Уснем — и снится крон сквозной каркас
и тех же птиц все тот же взлет надсадный.
Умрем.
И души, покидая нас,
как стая птиц, поднимутся над садом.

XIV

Рембрандт
«Святое семейство»

Спокойны сумерки картины.
Спит мальчик в люльке на полу.

*...прозрачно,
словно паутина,
светились ангелы в углу...*

И вечер тянется так длинно,
как ветер тянется к крылу.

*...тревожно,
словно паутина,
светились ангелы в углу...*

X V

На тыльной стороне судьбы,
вздуваясь кроною венозной,
взошли бетонные столбы,
пуская корни в грунт морозный.

Цвели бездомные цветы
смертельной купоросной синью
на тыльной стороне России
неподалеку от беды.

XVI

Мы напуганы страшными снами.
Чьи-то чада напуганы нами.
Но такую жестокою явью
нас никто до сих пор не пугал.

Говорят:
«Собирайтесь, ребята»
Говорят:
«Оправданий не надо.
Нам плевать, что вы не виноваты.
Мы тут все, — говорят, — ни при чем».

XVII

Плугом стеганы,
поля кругом лежат,
как рабочие фуфайки каторжан.
А на них,
как вши, -
грачи, грачи, грачи...
А над ними -
небо русское молчит.
Только воют одичало кобели
о хозяевах,
схороненных вдали.
То ли клавиша запала на басах...
То ль и вправду
нету Бога
в небесах...

XVIII

На этой земле
мы искали любви и смерти.
На этой земле
мы теряли и смерть, и любовь.
И каждую ночь
составляли последние сметы
неправедной жизни,
с которой рифмуется кровь.

На этой земле
мы оставим земному земное.
Но все остальное
поверим своим ремеслом.

А если иссякнет — избави Господь! —
остальное,
трава,
прорастая,
попробует нас на излом.

XIX

Ущербный месяц осветил,
смакуя колорит,
как средь России
крокодил
в канаве сточной спит.

А может это человек -
не разглядеть лица.

Ущербный свет.
Ущербный век.
Ущербные сердца.

Х Х

Великой зарей коммунизма
глухой горизонт просиял!..

Но не отвечают на письма
минувшие наши друзья.
Минувшие наши любви
при свете великой зари
так рады цветам
на обоях.
Так рады, что...
черт подери...

XXI

Качнулась вдогонку ладонь осторожной руки.
И был бы оправдан мучительной линией
жеста
простуженный почерк
железной,
дорожной тоски,
когда б эти строки
ко времени были
и к месту,
когда б эти стекла
туманнее были вдвойне,
когда бы
в летящей за окнами зябкой отчизне,
в мелькании встречных составов
не чудились мне
твои телеграммы
о нашей безвременной жизни.

XXII

Открыли ставни.
Вот и жизнь прошла.
Прошли дожди.
В лесу вспухают грузди.
Как серафим,
пропивший два крыла,
кружит над полем гулкий «кукурузник».

День будет жарким.
Будут пчелы ныть.
И те, кто был любимыми оставлен,
поймут, что ничего не изменить.
И свет зажгут.
И вновь закроют ставни.

XXIII

Бог умер.

...а вход в цветущую сирень
чернел готической калиткой.
Как будто выключить уют
забыл Создатель, умирая...

Да ни черта это не значит.

Молчит, отвернувшись в окно, голая женщина. Может быть, знает, что я проснулся и ждет моих рук, чтобы накрыть их своими ладонями, не оборачиваясь — удержать или так.

Или такое утро: как в тамбуре последнего вагона движение мира вспять гораздо быстрее движения поезда, впереди — за спиной — только лязгающая неплотно закрытая дверь, а давние стихи складываются сегодня в книгу. Высохший лист малины был бы в ней — выйди она тогда — закладкой или случайно. Все равно умрешь в Самарканде. Случайной закладкой — гадание по книге — не вспомнить, а предсказать.

Вот сейчас она поднимет правую руку и, слегка запрокинув голову, откинёт волосы.

Нострадамус выискался — они все так делают — знаешь, но ждешь, принимаешь ставки у себя самого, облегченно вздыхаешь, когда она поднимает правую руку и — только бы не спугнуть — медленные, как выстрел от Джона Ву, волосы падают на спину. Навзничь. Обратно в сон. Дальше в сон.

Выбери себе имя — сейчас — пока я не вспомнил, пока мне все равно.

ПОДУЧА-
ЮТСЯ
ПЛАКАТЬ
ИДИ-
САТО-О
ЧЕД-НИ-
ОУДЬ
НА
ВЗРОДА
И ООДЬ-
ШЕДНИ
ХРЕДНА
НАПО-

Содержание

В окно, где утро цвета цинка	5
Цепную жизнь пройдя наполовину	6
Здесь хаты выбелены в известь	7
Заблудишься в ясном небесном лесу	8
Пробираясь окольной речью	9
Не пишу тебе уже год почти	10
У этого лета какой-то в мозгу перекос	11
Как лица в профиль, как липы вровень	12
Твой дом обернут сентябрем	13
Когда разветвленностью стылых небес	14
И снова подступали берега	15
Сквозь годы меж словом и небом	17
За что нам наш пожизненный пейзаж	18
Спокойны сумерки картины	19
На тыльной стороне судьбы	20
Мы напуганы страшными снами	21
Плугом стеганы, поля кругом лежат	22
На этой земле	23
Ущербный месяц осветил	24
Великой зарей коммунизма	25
Качнулась вдогонку ладонь осторожной руки ...	26
Открыли ставни	27
Бог умер	28

Александр Генрикович
МЕСРОПЯН

Без матерьяльной основы

Книга стихотворений

Дизайн и верстка А. Месропяна

Подписано в печать 01.02.2002.
Формат 60×84/16. Печать трафаретная.
Бумага Fedrigoni.
Усл. печ. л. 0,6. Тираж 200 экз.

ЛР № 065512 от 24.11.1997.
ООО Издательский центр «Булат».
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Соколова, 21

Отпечатано с оригинал-макета
в Полиграфическом салоне «Лео»
Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, 245, оф. 1
Заказ № 1007

